

Факты доказали, что Янь Сюань ни в чём не ошибся: не прошло и суток, как по всей столице разнеслись слухи о пагубной страсти Янь Сюаня к мужчинам.

А Лу Хань с тех самых пор, как вернулся в Резиденцию премьер-министра, был посажен Лу Чживэнем под домашний арест. Круг его ежедневных передвижений теперь ограничивался лишь собственным двором.

Впрочем, из-за того, что кое-где внизу живота всё ещё отчетливо ныло, Лу Хань вёл себя тихо и больше не устраивал никаких скандалов. В этот вечер в расположенном у самой улицы ресторане Бай Лулу заняла столик у окна. Прислушиваясь к тому, как посетители за соседним столом с воодушевлением обсуждают Янь Сюаня и Лу Хань, её взгляд постепенно омрачился и стал злобным.

Она так сильно сжала в руке чашку с чаем, что та едва не треснула.

Она надеялась, что сможет соблазнить Янь Сюаня под предлогом лечения его ран и заставить его влюбиться в неё. Тогда она сумела бы использовать Янь Сюаня для мести. Но она никак не ожидала, что, когда она снова попытается прийти в Резиденцию князя Сюань, управляющий поместьем заявит ей, что в её услугах больше не нуждаются.

Тогда Бай Лулу очень удивилась: раны Янь Сюаня ещё не зажили, почему же он отказался от её помощи? Теперь же всё встало на свои места: оказывается, Янь Сюань предпочитал мужчин, и неудивительно, что он остался равнодушен к её красоте.

Бай Лулу не желала с этим мириться! Она не могла поверить, что проиграла какому-то мужчине, да ещё и сыну своего врага.

Нет, она ни за что не позволит Янь Сюаню и Лу Халю быть вместе. Если это произойдет, то сокрушить семья Лу станет вдвое труднее.

Но что же ей делать? Бай Лулу погрузилась в глубокие раздумья.

Внезапно её взгляд выхватил из толпы знакомую фигуру. Присмотревшись получше, она поняла, что мимо ресторана проходят не кто иной, как Лу Хань со своим слугой.

Бай Лулу хорошо помнила этого слугу: именно он преградил ей путь, бахвалясь, что Лу Хань к ней неравнодушен.

Если Лу Хань и впрямь положил на неё глаз, она, кажется, придумала, как рассорить Янь Сюаня и Лу Ханя.

А в это время идущий по улице Лу Хань вдруг громко чихнул. Он потёр нос и пробормотал себе под нос:

— Неужели простудился? Люцзы не расслышал, что именно сказал Лу Хань, и продолжал уговоры, исполненные заботы:

— Молодой господин, давайте всё же скорее вернемся. Старый господин строго-настрого запретил вам выходить из дома. Если он узнает, что вы тайком сбежали, нам несдобровать — семейный суд устроит!

Лу Хань просидел в резиденции три целых дня и уже до смерти извелся от скуки. Стоило его телу хоть немного окрепнуть, как он тут же утащил за собой Люцзы и тайком выскользнул на улицу.

Трусость Люцзы вызывала у Лу Ханя лишь презрительную гримасу. Закатив глаза, он бросил:

— Я сам ничего не боюсь, чего ты трясешься?

Люцзы был готов заплакать. Какое бы бедствие ни накликал на свою голову Лу Хань, разве не ему потом доставалось больше всех?

Видя, что слуга выглядит так, будто жизнь для него потеряла всякий смысл, Лу Хань приобнял его за плечи и успокаивающе произнес:

— Не бойся, если небо рухнет, твой молодой господин выдержит. А теперь марш за мной, идем развлекаться в веселый квартал.

Услышав, что они направляются в дом терпимости, Люцзы опустил взгляд с лица хозяина ниже, на его ноги, сглотнул слюну и осторожно спросил:

— Молодой господин, неужели та девица Юнь-юнь не смогла вас удовлетворить?

Три дня назад, когда Лу Хань вошел в отдельный кабинет вместе с Янь Сюанем, подручные господина Ли усадили Люцзы за стол, налили вина и даже выделили двух красивых девчонок для компании. При воспоминании о тех мягких и нежных телах у Люцзы до сих пор кружилась голова.

Стоило Люцзы завести речь о том дне, как Лу Ханя всего перекосило.

Если бы не этот ублюдок Янь Сюань, с какой стати ему валяться в постели целых три дня? И в конце концов выяснилось, что его просто использовали как щит от нежелательных поклонниц — подумать только, какая наглость!

Лу Хань поджал губы, явно не желая вспоминать ту ночь.

— Моей энергии с избытком хватит, разве какая-то одна девица способна меня утомить?

С этими словами он уверенно шагнул в ворота Юйтинюаня.

Люцзы оставалось только вздохнуть и послушно последовать за ним.

Ни Лу Хань, ни Люцзы не заметили, что едва они переступили порог Юйтинюаня, как у входа остановилась карета. Чья-то изящная рука с отчетливо проступающими суставами отдернула занавеску, и оттуда показалось лицо Янь Сюаня, мрачное до предела.